

Щёки и даже шея Тун Цинхэ покрылись слабым румянцем. Услышав от своего альфы, что он стесняется, он рассердился.

Его длинные, чёрные, как вороново крыло, ресницы дрогнули. Цзян Шаочжи терпеливо ждал. Спустя ещё пять минут он, конечно, услышал медленный стон своего маленького омеги. Звук был протяжным, но тихим. Он звучал не как сердитый, а, скорее, как капризный зверёк.

В процессе психического пробуждения духовный зверь не только подвергается влиянию своего хозяина, но и сам хозяин меняется под воздействием формы духовного зверя.

Духовный зверь и его носитель — одно целое, они взаимозависимы и неразделимы. Когда Цюн-ци впадал в ярость, Цзян Шаочжи ощущал те же эмоции: гнев и жажду боя.

Влияние духовного зверя на хозяина до сих пор никто не мог оценить — хорошо это или плохо. Но большинство людей, обладающих духовным зверем, давно считают его другой формой самих себя.

Если успокаивается одна сторона, другая восстанавливается.

Необычное поведение Тун Цинхэ на самом деле было вызвано влиянием его духовного зверя, проявлением его материализованной формы.

Цзян Шаочжи, держа Тун Цинхэ на руках, начал представлять себе расплывчатый образ духовного зверя маленького омеги, исходя из его состояния.

Во-первых, реакция, безусловно, была очень медленной. Он ткнул пальцем в мягкую щеку Тун Цинхэ. Спустя несколько минут спящий человек слегка наморщил нос. Рефлекс был достаточно замедленным.

Во-вторых, он, вероятно, любил спать.

Во время своего психического пробуждения Цзян Шаочжи не мог сомкнуть глаз ни на минуту. Его уши постоянно вынуждены были воспринимать всевозможные внешние звуки. Все звуки наполняли его мозг, и, даже при его сильной воле, он чуть не сорвался.

В тот момент, когда он успешно призвал Цюн-ци, Цзян Шаочжи спал целых два дня, прежде чем прийти в сознание.

Тун Цинхэ любил спать, что указывало на то, что его духовный зверь от природы склонен ко сну.

Медлительный и сонный. Цзян Шаочжи почувствовал, что дела плохи. Его омега и так был

книжным червём. Если его духовный зверь окажется таким, он, вероятно, станет ещё более заторможенным.

Цзян Шаочжи рассмеялся сквозь слёзы, ущипнув Тун Цинхэ за нос:

— Проснись.

Через три минуты Тун Цинхэ засопел, медленно промычав два «угу». Цзян Шаочжи спросил:

— Хочешь пить?

Тун Цинхэ не двигался и не издавал звуков. Цзян Шаочжи осторожно положил его на подушку, налил стакан тёплой воды и напоил его половиной.

Когда половина стакана была выпита, Тун Цинхэ, наконец, очнулся. Он тихо протянул палец, мягко обхватил рукав Цзян Шаочжи, намекая, что хочет пить.

Цзян Шаочжи посмотрел на пустой наполовину стакан и слабо улыбнулся. Теперь, когда он общался со своим омегой, тот выражал свою реакцию только после того, как дело было сделано.

Тун Цинхэ промычал «угу». Цзян Шаочжи спросил:

— Ещё хочешь?

Через несколько минут молчания Тун Цинхэ снова промычал «угу». Его тело, спрятанное в одеяле, слегка задвигалось. На носу выступил мелкий пот. Он выглядел немного нетерпеливым.

Цзян Шаочжи откинул одеяло, положил руку на живот Тун Цинхэ и немного помассировал. Тот, как взбесившееся животное, через несколько минут изменил тональность своего «угу».

Цзян Шаочжи тут же поднял его, осознав, что его омеге плохо от переполненного мочевого пузыря. Он вот-вот не выдержит.

В ванной Цзян Шаочжи заботливо расстегнул одежду Тун Цинхэ. Он держал его на руках, видя, как маленькое лицо покраснело. Тот всё никак не мог «сделать дело».

Вспомнив, как это уже было, Цзян Шаочжи нежно заверил своего омегу:

— Глаза дяди отвернулись. Я не смотрю. Не бойся, Тун-Тун. Не стесняйся.

Услышав заверение альфы, Тун Цинхэ, сдерживая стыд, наконец, прерывисто выпустил струю.

Его характер был замкнутым и застенчивым. То, что его держали таким образом, чтобы он мог справить нужду, заставило слёзы навернуться на глаза. Он выглядел так жалко, что Цзян Шаочжи не знал, как с ним быть.

Он отнёс Тун Цинхэ обратно в комнату. Цзян Шаочжи снова почувствовал, как тот выпускает слабое психическое поле.

Тун Цинхэ, казалось, хотел передать ему информацию таким образом. К сожалению, в тот момент, когда Цзян Шаочжи выпустил своё поле, готовясь коснуться и ответить, слабое психическое поле Тун Цинхэ тут же исчезло.

Тун Цинхэ пока не привык к появлению поля и не освоил способ его контролировать. Психическое поле Цзян Шаочжи было чрезвычайно сильным. Даже когда он полностью сдерживал его перед Тун Цинхэ, аура всё равно была для него слишком сильной.

Из-за истощения от двукратного построения психического сознания Тун Цинхэ был очень утомлён. Палец, обхвативший рукав Цзян Шаочжи, медленно разжался. Он снова погрузился в сон.

Доктор Цинь, обходя палаты, увидел, что Цзян Шаочжи весь день сидит рядом со своим омегой, и злорадно спросил:

— Как ощущения?

Вопрос доктора Циня не касался того, как Цзян Шаочжи себя чувствовал из-за состояния омеги, а того, каково ему быть связанным одним человеком.

Цзян Шаочжи был известен среди студентов своего выпуска как заядлый боец, его боевой дух был S-класса. После вступления в спецназ он годами выполнял самые опасные задания. Их одноклассники, собираясь вместе, знали о его команде только из межзвёздных новостей.

Говорили, слышали... Независимо от того, сколько они слышали из новостей или от других, они никогда не видели Цзян Шаочжи.

Но все знали, что его положение растёт. Со временем он стал объектом всеобщего восхищения.

Цзян Шаочжи впервые за долгое время улыбнулся другу:

— Отлично.

Доктор Цинь вздохнул:

— Раньше я думал, что ты такой свирепый и воинственный, что не способен на глубокие чувства к омеге. А теперь... ну, ну.

Цзян Шаочжи спокойно сказал:

— Совместимость феромонов Тун-Туна и меня — сто процентов.

Доктор Цинь, потягивавшийся, замер. Он чуть не повредил себе поясницу. Он почесал ухо, не веря:

— Сто процентов?

Цзян Шаочжи:

— Угу.

Доктор Цинь смущённо улыбнулся:

— Прошу прощения.

Оба обладали духовным зверем, и совместимость феромонов составляла сто процентов. Во всей Федерации, даже во всей галактике, они, вероятно, были единственной такой парой.

Им было суждено быть вместе.

Доктор Цинь сказал:

— Я пойду.

Цзян Шаочжи сам лёг на другой стороне кровати и притянул своего омегу в объятия.

— Тун-Тун.

Тун Цинхэ не отреагировал.

Через несколько минут Цзян Шаочжи укусил его за ухо:

— Малыш.

На лице спящего человека появился застенчивый румянец.

Цзян Шаочжи поцеловал его в щёку:

— Проснись скорее.

Тун Цинхэ оставался в больнице под наблюдением два дня. После стабилизации феромонов,

кроме того, что он всё ещё спал, никаких других проблем не было.

Доктор Цинь сказал Цзян Шаочжи, что он может забрать его в своё общежитие для ухода. Днём, после тренировки, Цзян Шаочжи забрал его в свою комнату.

Была глубокая ночь. Цзян Шаочжи открыл дверь ванной. Его рука была влажной от прохладной воды. Он вытерся полотенцем.

Из-под одеяла на большой кровати раздались слабые всхлипы. Цзян Шаочжи поспешил к кровати. Человек под одеялом дрожал, и одеяло было плотно натянуто. Цзян Шаочжи сначала не мог его стянуть. После нескольких уговоров он, наконец, вытащил человека, который прятался внутри.

Тун Цинхэ был в полусне. Он смутно чувствовал, что у него распирает живот, и он хочет в туалет. Он мычал «угу» несколько раз, но не получал ответа или помощи от альфы.

А его «угу» длилось не менее шести-семи минут.

Цзян Шаочжи опустил взгляд, проверил простыню. Небольшой участок был влажным. Он посмотрел на слегка поднятую ткань на теле Тун Цинхэ. Он вздрогнул, наконец, поняв, почему его омега так себя ведёт.

Цзян Шаочжи поднял его, посадил на диван. Сначала он сменил ему одежду, затем — чистую простыню.

Его маленький омега обмочился во сне. Сны и сознание смешались, но он всё равно чувствовал это.

Цзян Шаочжи обнял его:

— Малыш.

Тун Цинхэ бессознательно всхлипнул.

— Ты спал так долго. Пора просыпаться. Дядя скучает по тебе.

Если Тун Цинхэ продолжит развиваться таким образом, он не сможет успешно призвать своего духовного зверя, и не сможет проснуться от сна.

Прошло несколько минут. Цзян Шаочжи услышал, как Тун Цинхэ промычал «угу», а затем снова заснул.

Перед рассветом на большой кровати в спальне раздался слабый шум.

Тун Цинхэ, проспавший целых три дня, резко проснулся, его короткие, мягкие волосы были растрёпаны. Он обхватил голову руками, чувствуя, как пульсируют вены на лбу.

Цзян Шаочжи, лежавший рядом, услышал шум и проснулся. Он увидел маленького омегу, который сидел на корточках в углу кровати, спиной к нему, и был в замешательстве. Едва его тонкие губы пошевелились, он вдруг почувствовал что-то странное на себе.

Цзян Шаочжи откинул одеяло. Под круглыми, широко открытыми глазами Тун Цинхэ, он указал на маленького зверька, который крепко обнимал его ногу и громко спал. Его пушистые лапки ковыряли его штаны, вот-вот проделают дыру.

Он улыбнулся:

— Малыш, почему ты так крепко обнимаешь дядю?

Лицо Тун Цинхэ мгновенно покраснело.

<http://bllate.org/book/4/96>